

- А название имеет какое-то значение? Мне кажется, в мое время это называлось чем-то вроде... Пергамента Откровения? - немедленно ответила Бертельгия.

- Инструмент, с помощью которого Бог передает свою волю, время от времени меняет форму, - вроде бы согласился с ней Маракия, но все же продолжил резкую мысль. - Но в мое время не существовало такой вещи, как Башня Отшельника. Хотя я сам и не смог увидеть это из-за Проклятия Вымирания, мне говорили, что Скрижаль Апокалипсиса находилась в месте, что раньше было Королевством Ящеров, и хранилась на мертвом Древе Жизни.

- Но что, если это все же имеет отношение к Башне Отшельника? Если название Свитка Бедствия со временем изменилось, то могло измениться и название башни, в которой он находился, верно?

Маракия покачал головой в ответ на опровержение Бертельгии и заговорил со своей обычной бессмысленной серьезностью.

- Мертвое Древо жизни находится в центре Континента. Там не идет снег, поэтому он не может накапливаться. Это место находится далеко к югу от центра. Вот почему так холодно и все покрыто снегом.

Закончив говорить, Маракия обвил себя крыльями, будто ему было холодно. Хотя Нахаки жили в не особенно теплом климате, телу Маракии было всего несколько месяцев. Он не был готов к минусовой температуре. Сунчул ощутил, как он дрожит в нашитом специально для него кармане, поэтому произнес:

- Я одолжу тебе одежду.

- Я не ношу ничего, что не украшено золотом и драгоценными камнями, - тут же уверенно ответил Маракия. Впрочем, стоило мужчине вытащить выцветшую стеганую куртку, как он тут же схватил ее, чтобы прикрыться.

Разозлившаяся Бертельгия просто не могла спустить все на тормозах, ничего не делая. Когда она появилась перед ним и уставилась на него, как какой-то мрачный жнец, Маракия отвернулся и начал извиняться.

- Истинный король украшает ветер своей одеждой и ночное небо своим одеялом. Этот маленький кусок ткани находится в пределах допустимого диапазона.

За разговорами Сунчул и его компания приблизились к знакомым руинам домика. Хижина, в которой Тангрит, последний рыцарь Рутегинии, отдал свою жизнь, защищая деревню, была заброшена и пришла в упадок. Когда Бертельгия увидела это, то пробормотала себе под нос.

- Интересно, у Барона все в порядке?

Сунчул услышал ее голос и вспомнил, что Бертельгия была дружна и даже играла с грифоном по имени Барон, поэтому замер.

- Может, сначала проверим, как он там?

Для этого не было особых причин. Во всяком случае, хотя бы потому, что на дворе было еще раннее утро. Моменты сразу же после восхода солнца, как сейчас, были неподходящим временем, чтобы пытаться общаться с обычными людьми.

«Похоже, сейчас примерно между пятью и шестью часами утра»

Нужно было где-то убить время. Подумав об этом, Сунчул взял Бертельгию и Маракию и направился к бывшей резиденции рутегинского рыцаря.

- Вот это да! Это же Барон!

Грифон отдыхал неподалеку от могилы Тангрита и выглядел, как всегда, достойно. Хотя он больше не носил сбрую и имел полную свободу, все это время он по собственному желанию защищал могилу своего бывшего хозяина и друга. Когда Сунчул увидел лежащего в полном одиночестве грифона, он почувствовал странное ощущение, исходящее откуда-то из глубины. Это было приятное чувство. То самое, которого он так жаждал и которого не мог ощутить в последнее время.

«Правду говорят, что животные лучше людей»

Сунчул подошел к Барону и положил руки на гриву у большой и мускулистой шеи, чтобы погладить ее.

- Пигиии...

Маракия, казалось, боялся этого существа, потому что тут же начал дрожать.

- Что случилось, Маракия? Ты же ведь не можешь бояться грифона?

- Это не наземный зверь и не летучий зверь. Так что это тогда?

Похоже, он никогда раньше не видел грифонов. Бертельгия поняла, что Маракия по-настоящему испуган, и обрадовалась этому факту, поскольку все еще злилась на него. Сидевший же в кармане, словно детеныш кенгуру, Маракия тут же стал все категорически

отрицать.

- Не... не неси чушь. Как может король всех живых бояться простого зверя?

- Хо? Самопровозглашенный Король Всех Живых, кажется, сейчас дрожит. Или это просто мое воображение?

Пока Сунчул наблюдал за этим взаимодействием, ему вспомнилась сказка, которую он прочитал в выцветшей книге. Она произвела на него глубокое впечатление. Это была китайская сказка о генерале, который носил золотую корону на голове, ездил на Красном Зайце, и Небесным Пронзателем срезал бесчисленных врагов, как травинки.

«Есть такая поговорка: Лубу среди людей, Красный Заяц среди лошадей. Но поскольку это книга... Думаю, можно добавить - Бертельгия среди книг?»

А пока Сунчул думал обо всем этом, Маракия и Бертельгия продолжали ссориться. Наконец, Маракия дошел до своего предела и вскинул вытянутый палец, чтобы указать на Барона.

- Это... опасное животное, - дрожащим голосом произнес он.

- А ты разве не опасный?

Полная гордости Бертельгия полетела к Барону. Но как только она приблизилась, Барон использовал свой клюв, который был в несколько десятков раз больше, чем у Маракии, чтобы клюнуть ее. Так, словно предупреждал, прежде чем атаковать по-настоящему.

- Угья!

- Что я тебе говорил? Разве я не предупреждал, что это опасный зверь?

Маракия ткнул Бертельгию носом в ее эпичный провал и рассмеялся. Однако отвергший Бертельгию Барон позволил Сунчулу приблизиться без каких-либо проблем. Мужчина вдруг подумал, что грифон кажется куда более худым, чем при их последней встрече. Обильные перья покрывали его отощавшее тело, но не могли скрыть очевидного факта.

«Если подумать об этом... поскольку он не может летать, то и охотиться нормально наверняка не выходит»

Сунчул осмотрел его плохо заживающие крылья.

- Хм...

Это наверняка потребует больших затрат на выхаживание, да и времени уйдет не мало, однако его крылья все же можно было восстановить.

Сунчул провел с Бароном некоторое время, прежде чем отправиться в Башню Отшельника.

На взлетно-посадочной полосе обнаружилось множество дирижаблей, которые использовались представителями многих народов. Здесь кипела жизнь. Бесчисленные члены экипажа и пассажиры сновали вокруг. В основном это была утренняя суeta людей, которые только встали и готовились к новому дню, готовя завтрак или чай. Ему придется пройти сквозь эту толпу, чтобы добраться до Башни Отшельника. Несмотря на то, что ему было не по себе, Сунчул ничего не мог поделать, кроме как надеяться, что ничего не произойдет. Главное двигаться к башне со скоростью, не слишком быстрой и не слишком медленной.

По большей части на него почти не обращали внимания. Каждый был занят своими делами, да и там было полно незнакомых лиц. Так что те немногие, кто действительно смотрел на него, быстро отворачивались, чтобы продолжить свои дела.

У Сунчула сформировалось впечатление, что на этот раз пассажиры вели себя совсем не так, как раньше.

Все они будто сторонились друг друга.

Каждая якорная стоянка корабля была окружена деревянным частоколом. Рыцари и пассажиры держались особняком и не общались с людьми, не принадлежащими к их фракции. Место казалось полным невидимых границ и напряжения. Для Сунчула это был странный опыт. Хотя они приехали из разных стран, все они были членами большой организации под названием Всемирный Парламент. Столь очевидное разделение было тревожным звоночком.

«Что-то случилось?»

Вывод Сунчула стал очевидным, когда он достиг пустого пространства между концом взлетно-посадочной полосы и деревней Топоро. Он увидел брошенный там труп рыцаря, прибитый к дереву гвоздями.

- Аххх...

Тело находилось в таком ужасном состоянии, что даже Бертельгия не смогла не издать испуганный звук. Убийца или, возможно, целая толпа убийц не остановились на простом убийстве рыцаря, они полностью уничтожили его тело. Кишечник вывалился из вскрытого живота, внутренности валялись под его ногами.

- Глоть...

Сунчул слегка шлепнул Маракию, у которого потекли слюны, и принялся осматривать труп. Хотя он уже был ледяным из-за царящего на улице холода, выглядело это так, словно с момента смерти не прошло и полдня. Вполне вероятно, что этого рыцаря убили ночью.

Сунчул с первого взгляда смог определить по эмблеме на его доспехах, что этот рыцарь пришел из Империи Людей, но его удивило не только это. Хотя было очевидно, что рыцарь Империи Людей был зверски убит, ни один из рыцарей других стран даже не пытался ничего предпринять по этому поводу.

- Еще один.

- Должно быть, третий в этом месяце.

Все они видели место происшествия, наблюдали издали и перешептывались друг с другом, но не предпринимали никаких действий, чтобы снять тело с дерева или предупредить Империю о случившемся. Единственный, кто вообще отреагировал, так это стоявший довольно далеко рыцарь. Он поднял руки ко рту, чтобы выкрикнуть предостережение Сунчулу:

- Эй, болван. В твоих же интересах оставить этот труп в покое. Иначе какой-нибудь имперский офицер повесит это убийство на тебя!

Рыцари других народов почему-то рассмеялись, переглядываясь между собой. Это было не столько инцидентом, сколько случайностью, но Сунчул ощутил странное предчувствие.

«Обитель гостеприимства и доброй воли, Топоро»

Он миновал знакомый указатель и вошел в деревню Топоро. Хотя мягкий аромат свежеспеченного хлеба приятно щекотал его нос, образ этого поселения в голове мужчины уже не мог стать хуже.

Бесстыдные негодяи.

Это все, что мог подумать Сунчул о жителях этой деревни. Немногие из них узнали его и побледнели от ужаса, переговариваясь между собой.

- Это... это же Враг Мира!

- Он вернулся!

Звон деревянного колокола казался делом предрешенным, и вскоре несколько стражников бросились вперед, чтобы преградить путь Сунчулу.

- Хухуху. Давненько я не разминался. Не возражаешь, если я этим займусь? – рассмеялся Маракия, сбросив куртку и добавив в свой голос заметной самоуверенности. Жители деревни были потрясены, обнаружив, кто именно скрывался под куском выцветшей ткани.

- Это... что это за птица?

- Это ворон? Он такой маленький, но выглядит пугающе!

Враг Мира уже был страшным существом, но теперь он привел с собой еще и странного монстра. Сунчул посмотрел на стражника, который преградил ему путь, и сказал всего одно слово:

- Свали.

Это единственное слово, смешанное с легким раздражением, мгновенно возымело действие. И без того некомпетентные и запуганные стражники рассыпались в стороны, как крошки на ветру. Некоторые двигались настолько поспешно, что даже попадали на землю.

Но казалось, что некоторые все же верили, что что-то можно предпринять, поскольку довольно скоро жители привели за собой двух рыцарей, которые завтракали в черте деревни. Хотя Сунчул не узнал их, рыцари с первого взгляда его опознали и сбежали с места происшествия с предельной поспешностью, как до них стражники и жители деревни.

«Думаю, мое лицо начинает становиться известным»

Раньше почти никто не узнавал его, но многие люди приходили, чтобы посмотреть на него во время штурма Золотого Дворца. Он подозревал, что его портрет распространяли и развешивали во всех уголках мира.

Однако прямо сейчас на его пути к башне не было никого. Сунчул продолжал нести своих спутников в карманах, идя куда шел, к Башне, мирно стоящей посреди зеркального нетронутого озера.

- Хм... Это Башня Отшельника? Если судить чисто с точки зрения эстетики, она кажется весьма элегантной, - прокомментировал Маракия.

- Отличается ли это от мертвого Древа Жизни, о котором ты говорил? – спросил в ответ Сунчул.

Маракия моргнул своими большими глазами-бусинками.

- Между ними нет ни малейшего сходства. Каким бы мертвым оно ни было, Древо Жизни в конце концов остается Древом Жизни. Говорили, что мертвое Древо Жизни возвышается до небес и касается облаков. По сравнению с ним эта башня... никакая.

Это заставило Сунчула задуматься.

«Меняется ли расположение объекта, выполняющего работу Свитка Бедствия, от эпохи к эпохе?»

Вопросы об объектах, связанных с Бедствиями, но не относившихся к ним непосредственно, впервые возникали в его голове. Он всегда сосредотачивался на самом божественном Бедствии, а все остальное отходило на второй план как случайное или бесполезное. Но по мере того, как он продвигался вперед, мужчина встречал тех, кто жил в предыдущие эпохи. Тайнственное Письмо Бога, и особенно истории о Десфорте, расширили взгляд Сунчула за пределы Бедствий на более широкий спектр явлений и событий.

До сих пор Сунчул двигался вперед с целью спасти дочь Райз Хаймерр. Но теперь, когда цель была достигнута, круг его интересов неизбежно расширился.

«Но эта Башня Отшельника определенно была создана Богом... или, по крайней мере, кем-то с божественной силой»

С каждым шагом Сунчула по ведущему в Башню мосту он наблюдал за тем, как она становится все больше и больше. А вскоре перед ним возник и отшельник в серой мантии. Он сразу узнал Сунчула, буквально с первого же взгляда, и сбежал обратно в Башню. Хозяин этого места, Порипирий, возможно, и разрешил Сунчулу приходить и уходить, когда тому заблагорассудится, но он все еще был объектом жуткого страха для других отшельников.

Дверь оставалась закрытой в течение нескольких мгновений, прежде чем снова открылась, и наружу вышел уже знакомый человек. Из-под тюбана, чей край шевелился на ветру, виднелись огненно-красные волосы и глаза рептилии.

Отшельник-полудракон Кхани.

Она вышла поприветствовать его.